

IV. ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

УДК 327.37

© Малинецкий Г.Г., Ковалев В.И.
Malinetskii G., Kovalev V.

ПЕРЕДОВЫЕ РУБЕЖИ ПРО – ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ТУПИКА ?

FOREFRONT OF MISSILE DEFENSE – DO LEAVE MILITARY-POLITICAL DEADLOCK?

Аннотация. В статье рассмотрены причины военно-политического тупика, в который попала Россия в связи с неуклонным продвижением США, поддерживаемым НАТО к развертыванию широкомасштабной ПРО. Предлагается комплекс мер в информационной сфере в ответ на усиливающуюся военно-политическую активность Запада.

Annotation. The article considers the reasons for the military and political stalemate, which hit Russia in connection with the steady advancement of the United States, supported by NATO to deploy a large-scale missile defense. Proposed a set of measures in the field of information in response to the growing military-political activity of the West.

Ключевые слова. Противоракетная оборона, стратагемы, ответные меры, информационное противоборство, договор о стратегических наступательных вооружениях.

Key words. Missile defense, stratagems, and response, information warfare, the treaty on strategic offensive arms.

Часть 1. Кто виноват?

23 ноября 2011 г. Президент России сделал специальное заявление о возможных российских мерах в ответ на развертывание США системы ПРО в Европе.

В нем озвучен комплекс мер, позволяющих (по мнению российской стороны) снизить дестабилизирующий эффект от ЕвроПРО. Российская сторона также напомнила американской стороне о праве России выйти из нового Договора о СНВ.

Необходимо отметить, что уже более года проблема ЕвроПРО выдвигается в качестве одного из центральных проблемных вопросов взаимодействия с нашими «Европартнерами». Российская сторона активно стремится выйти из состояния «политического цугцванга», в который мы попали:

- согласившись на «мягкую» необязывающую редакцию договора о СНВ (в части ограничений на ПРО);
- ратифицировав новый ДСНВ, после того, как Сенат США 22 декабря 2010г принял «Резолюцию о сове-

те и согласии Сената на ратификацию нового Договора о СНВ», фактически дезавуирующую те немногие «стабилизирующие» позиции ДСНВ, которые в нем сохранились;

- «дав себя уговорить» на участие в ноябрьском (2010г) саммите НАТО с «мягкой» («консессиальной») позицией по ПРО (так называемые предложения по «секторальной ПРО»);
- «не заметив» (проигнорировав) глобальные изменения, происходящие в НАТО (институционарированные принятием новой стратегической концепции НАТО на ноябрьском (2010 г.) саммите), создающие новые вызовы и угрозы России.

Как следует из вышесказанного, истоки сформировавшегося к настоящему времени военно-политического тупика, вызванного действиями США (поддержанными НАТО) по развертыванию многоэшелонной ПРО территории страны, лежат в новом ДСНВ, ратифицированном российской стороной, не среагировавшей адекватно на «Резолюцию..» Сената США.

Малинецкий Георгий Геннадьевич – доктор физико-математических наук, Институт прикладной математики им. М.В. Келдыша РАН, тел.(495)543-36-76;

Ковалев Виктор Иванович – кандидат технических наук, ученый секретарь секции АВН, тел. (495)543-36-76.

Malinetskii George – doctor of physical and mathematical sciences, Applied Mathematics Institute. MV Keldysh RAS, Tel. (495) 543-36-76;
Kovalev Victor – Ph.D., Scientific Secretary of the section of AMS, tel. (495) 543-36-76.

До принятия «Резолюции о совете и согласии Сената ...» новый ДСНВ в целом представлял собой договор довольно сомнительной полезности для обеспечения военной безопасности России на средне- и долгосрочную перспективу. Его было бы целесообразно рассматривать как всего лишь некий символ «перезагрузки» и своеобразный «отчет» России и США перед обзорной конференцией ООН по ДНЯО.

Мы все хорошо помним, что Российская сторона при проведении переговоров пыталась (на первых порах) жестко обусловить разоруженческое соглашение в сфере СЯС ограничениями в ПРО и стратегических неядерных системах. Но эта абсолютно правильная и очевидная позиция к моменту подписания ДСНВ была «размыта» до уровня *декларативных юридически необязывающих* формулировок в сфере стратегических оборонительных систем (ПРО). В сфере стратегических неядерных вооружений нам также не удалось даже просто притормозить стремительно разворачивающуюся в США гонку стратегических неядерных наступательных вооружений в технологической и количественной сферах. Максимум чего мы добились, так это в создании иллюзии, что, ограничив число носителей (МБР и БРПЛ), мы частично можем решить эту проблему.

Принятая «Резолюция...» лишила нас последних иллюзий о возможности для России заключения сбалансированных разоруженческих соглашений с Америкой. США победили в «холодной войне» и им очень хочется пережить эту победу на практике. Поэтому они готовы вести переговоры только о сокращениях российского потенциала ядерного сдерживания.

Анализ «Резолюции о совете и согласии Сената на ратификацию нового договора о СНВ» показывает, что любые «ограничивающие» инициативы российской стороны в области ПРО «упираются» в установки конгресса – *юридически обязательные для американского правительства*. Полагать обратное – это либо иллюзия, либо отсутствие квалификации у российских «экспертов» («эффективных менеджеров»), рекрутированных в политику, либо что-то другое.

Что же нового для России внесла указанная Резолюция в условия обеспечения возможности стратегического сдерживания и кризисной стабильности?

Во-первых, дезавуируются даже юридически необязывающие положения Преамбулы ДСНВ по ПРО.

Проблематика ПРО нашла свое отражение во всех трех разделах «Резолюции о совете и согласии...»: «Условия», «Понимания», «Заявления».

«Красной нитью» через все указанные разделы

проходит мысль: *«Никаких ограничений в сфере ПРО, Америка будет создавать многоэшелонную ПРО территории страны, Америка будет разворачивать ПРО в Европе (раздел «а», пп. 12.А.ii, 14; раздел «в», п. 1.А; раздел «с», пп. 2.С, 2.Д, 2.Е)»*. Более того, ПРО должна находиться *вне любых будущих переговоров в сфере сокращений ЯО* (раздел «а», п. 12.А.ii).

Для России же в Резолюции Сената *определено* (п.14 «Условия»), что никакой уровень развития ПРО США не является для нее мотивом выхода из ДСНВ!!!

В соответствии с п.2.Е (раздел «Заявления») всякое сотрудничество США с Россией в сфере ПРО может быть направленным только на усиление потенциала ПРО США. Так что от «ограничивающих» идей типа создания так называемой *«секторальной ПРО» российской стороне можно сразу отказаться*.

В контексте рассматриваемой проблемы необходимо также отметить следующее. Неуклонное стремление США к обладанию многоэшелонной ПРО, поддерживаемое НАТО, имеет свое объяснение в рамках идущих в Мир-системе глобальных процессов, которые существенно изменяют саму суть НАТО.

В этой связи зададимся элементарным вопросом: «А что же такое современное (будущее!) НАТО». В настоящее время публичный ответ на него, как правило, дается с использованием технологий обмана, основанных на приеме «говорить правду, но не всю правду». Нам постоянно внушают, что, мол, НАТО стало другим, оно изменилось, изменились его задачи, функции, механизмы. И в массовом сознании уже формируется его образ как некоего международного элитарного «дискуссионного» клуба, вынужденного, правда (когда «не справляется» СБ ООН), выполнять ограниченные полицейские функции борьбы с «международным терроризмом», противодействия «горизонтальному распространению» ОМП, ракетным угрозам и т.д.

Вместе с тем, если рассматривать происходящие изменения в НАТО («НАТОВский тренд») безэмоционально, без использования «розовых очков», без подключения «перезагрузочных фильтров осознания», то можно видеть следующее. Да, НАТО существенно меняется, но не в том направлении, в котором нас убеждают люди, полагающие целью и смыслом своей деятельности профессиональную любовь к Западу. На Лиссабонском саммите в ноябре 2010г принята новая стратегическая концепция альянса. Она подготовлена на основе рекомендаций группы экспертов во главе с известной своей антироссийской позицией Мадлен Олбрайт «НАТО в 2020 г.: Гарантированная безопасность, динамическое взаимодействие». Из данного документа прямо вытекает, что по-

сле ее принятия НАТО изменится в сторону *глобализации* своей деятельности и при этом *существенно расширит трактовку* базовой статьи 5 Североатлантического договора, определяющей условия применения альянсом военной силы. Т.е. общий тренд движения НАТО направлен от регионального оборонительного союза к некоей закрытой элитарной структуре, вытесняющей (дублирующей) ООН и ее СБ, сочетающей функции международного судьи и шерифа в «одном флаконе». Он фундирован соответствующей военно-технической политикой и усилиями в области военного строительства, поскольку согласно будущей стратегии НАТО «эффективная оборона... должна начинаться *далеко за пределами территории Североатлантического союза*». Таким образом, развертывание ЕвроПРО (включая мобильный компонент ПРО) прямо лежит в русле новой стратегии НАТО.

Особые опасения вызывает то, что условия, требуемые для выполнения основного обязательства НАТО, изложенного в статье 5 Североатлантического договора, согласно положениям «Стратегии» принимают «новую форму». Введение понятия «*новые угрозы*» позволяет весьма расширенно трактовать, «что же является нападением в рамках статьи 5» (Часть вторая. Глава 1. «Условия безопасности»). Как следует из упомянутых выше рекомендаций, в качестве «*casus belli*» могут рассматриваться следующие условия (часть вторая, глава 1):

1. «...Совершаемые с целью нанесения урона обществу *кибернападения*...». Теперь уже не надо напрягать силы на организацию сложных и опасных провокаций типа операции «Танненберг» (Гляйвиц) и «Тонкинского инцидента.» За хакерской атакой (реальной или фиктивной) с территории какой-либо страны может последовать «*асимметричная*» *военная* реакция.

2. «...Противозаконное нарушение функционирования критически важных путей снабжения...». Теперь России надо будет задуматься, прежде чем отключать газ неплательщикам, а в странах, по территории которых проходит газопровод Набукко, можно будет легко найти соответствующий предлог для вмешательства. Действия России в Арктике по обеспечению национального контроля над Севморпутем также могут «попасть под 5-ю статью».

3. «...Провокационные заявления, задуманные как средство политического шантажа», представленные в некоей «...гибридной разновидности, сочетающей неуловимость террористической группы с мощью ассоциированной с государством-нацией...»(!?) Иначе говоря, «весь Ближний и Средний Восток (и особенно Иран) уже априори «виновны» и подлежат «умиротворению» в рамках

5-й статьи.

4. Игнорирование государством неких «глобальных норм», иначе говоря, «плохое поведение». Т.е., например, Иран может сколько угодно доказывать отсутствие у него ядерных планов и даже «закрыть» ядерную энергетику и прекратить обогащение, он все равно останется объектом применения пятой статьи. Иран изначально «виновен» в наличии у него геополитических амбиций, в стремлении стать стратегическим субъектом, региональным лидером. Совершенно ясно, почему НАТО так единодушно набросилось на Ирак. Там не было наивных дурачков, поверивших в сказки США про «террористов» и ОМП. Тем более, что в результате многочисленных «инспекций ООН» они убедились в его отсутствии. Ирак как глобальный источник энергоресурсов был обречен из-за своих геополитических амбиций.

5. «...Вызовы, которые не затрагивают напрямую ее безопасность, но... *важны для граждан* стран НАТО...»(!) В этой связи уместен вопрос: значит ли теперь, если Россия решит, например, пересмотреть грабительские условия нефтегазовых концессий на Сахалине или потребовать строгого выполнения экологических условий, то там появится флот НАТО?

В свете вышеуказанного появления «новых угроз» для НАТО России надо бы внимательнее отнестись к изменениям в стратегии альянса. Вместе с тем вызывает много вопросов тот факт, что планы и намерения Запада остаются у нас как бы «ненаблюдаемыми» (здесь Д. Рогозин исключение). По всей видимости, это может быть связано с триумфом «перезагрузочного оптимизма» над здравым смыслом. Тут на ум приходят Пушкинские строки: «Ах, обмануть меня не трудно – я сам обманываться рад».

В контексте изменений в стратегии НАТО возникает вопрос – с чем это связано? Являются ли они результатом циклических изменений в мировой политике, переходом от интравертности к экстравертности, или за всем этим стоят более глубокие фундаментальные основания. На этот вопрос можно дать ответ с позиции Мирсистемного анализа на основе *математического моделирования глобальных процессов*, т.е. не на уровне гуманитарного дискурса, который, как правило, приводит к бесконечной дискуссии между сторонниками и противниками партнерства с НАТО, а на уровне строгости, приближающейся к логико-дедуктивному.

Использование динамических методов моделирования макроэкономических процессов показывает, что в условиях рыночной конкуренции экономическое равновесие, существование которого является краеугольным камнем классической экономической теории, имеет неу-

стойчивый характер, чреватый кризисными явлениями. Для стабилизации равновесия необходимо:

- либо перейти к регулированию экономики, отказавшись от рыночных принципов (как это делали в СССР и других социалистических странах) или существенно ограничив рыночную стихию (как это делают во всех странах во время экономических кризисов);

- либо (если нет желания ограничивать рыночную конкуренцию) обеспечить приток *дополнительных ресурсов* в экономическую систему, который позволяет выжить неудачникам в конкурентной борьбе и делает возможным сглаживание социальных противоречий. В этом случае возникает «игра с положительной суммой»: это уже не равновесие, идет постоянный экономический рост. И этот рост ни в коем случае не должен остановиться, иначе рыночная система дестабилизируется.

Таким образом, как показывает моделирование, экономическая система в условиях рыночной конкуренции может стабильно существовать только при постоянном вливании дополнительных ресурсов *извне*. То есть для стабильного существования такой системы необходимо наличие периферии, из которой можно черпать дешевые ресурсы.

В этих условиях НАТО является инструментом поддержания устойчивости системы «центр-периферия», в которой только и может существовать Западный мир. В этом и состоят новые функции альянса. Фактически НАТО есть объединение государств Западного мира, составляющих центр Мир-системы для новых «крестовых походов», которые, как известно, в первую очередь были экономическими предприятиями. Однако выполнять свои функции альянсу придется в изменяющихся условиях формирования нового баланса сил в военной области, возникновения условия, которое многие аналитики уже определяют концептом «восставшая Азия» (во главе с Китаем).

В складывающихся условиях для США (НАТО) широкомасштабная ПРО с мобильным компонентом является одним из важных инструментов направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов (как настоящих, так и будущих).

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

1. По вопросу ПРО американская администрация следует *прямым установкам Сената* (имеющим статус закона) и все попытки (тем или иным образом) изменить ее позицию в данном вопросе бесполезны.

2. Любой переговорный процесс по заключению разоруженческих соглашений в различной области

(в том числе и возможные переговоры по ПРО), а также достигнутые договоренности в первую очередь должны рассматриваться в качестве одного из механизмов, реализующих *управление стратегическим содержанием*. Оно должно проводиться в рамках четырех базовых типов управлений:

а) *управления «гудвиллом» страны*;

б) *институционального управления*, заключающегося в том, что целенаправленно ограничивается множество возможных действий и результатов деятельности контрапартнера по переговорам в военно-технической области. Такое ограничение может осуществляться посредством формирования международно-правовых норм (всевозможных сопутствующих соглашений, совместных заявлений, конвенций, созданием соответствующей моральной атмосферы и др.), «канализующих» процессы в военно-технической сфере в нужное для России русло и, в том числе *включая ликвидацию «скрытых» (дестабилизирующих) параметров* предыдущих соглашений и, в частности, *нового ДСНВ*;

в) *мотивационного управления*, заключающегося в целенаправленном изменении предпочтений (функции полезности) контрапартнера по переговорам, с использованием соответствующих информационных механизмов;

г) *информационного управления*, путем:

- целенаправленного влияния на информационную среду переговорного процесса;

- целенаправленного влияния на представления контрапартнера по переговорам о субъективных параметрах, которыми руководствуется Российская сторона (передаются «основания» для принятия решений американской стороной);

- «активного» прогноза, заключающегося в целенаправленном сообщении информации о будущем, связанным с действиями субъектов переговорного процесса.

В этой связи возникает много вопросов по поводу деятельности различных «допущенных авгуров» из так называемого «экспертного сообщества» (ИСКАн, ИМЭМО, СВОП, и др), буквально «облепивших» структуры, готовящих и принимающих решения в военно-политической сфере, поскольку наше (как правило, либеральное) «экспертное сообщество» имеет свои интересы, которые сразу могут явно не просматриваться, а потом вполне понятным образом порождают «экспертную ренту» у своих западных партнеров.

3. В настоящее время одна из главных угроз безопасности России связана с триумфом «перезагрузочного» оптимизма над здравым смыслом, при котором в «большой игре» на международной арене для России, как пра-

вило, возникает следующая ситуация: когда мы думаем, что у нас есть козыри на руках, то оказывается, что мы играем в шахматы. Сегодня у российской стороны имеется только одна рациональная поведенческая стратегия – разработка и внедрение комплекса адекватных (а не пропагандистских) мер по парированию дестабилизирующих (стратегическую стабильность) факторов. В этой связи надо отметить, что ЕвроПРО – лишь *единственный* (и не самый значимый) фактор угрозы. При внимательном (и непредвзятом) изучении нового ДСНВ вкупе с фундаментальным и информационно-техническим анализом перспектив и тенденций совершенствования (у наших возможных геополитических соперников) средств направленного воздействия на участников межгосударственных конфликтов, составляющих их будущей контрсилового потенциал, можно указать на целый ряд других военно-технологических факторов, требующих реагирования.

Часть 2: Что делать?

В рамках настоящей публикации (по понятным причинам) невозможно озвучить всю возможную совокупность эффективных мер (в военно-технической и политической сфере), связанных с парированием угроз военной безопасности России. Вместе с тем некоторые предложения концептуального характера могут стать предметом для обсуждения.

Сегодня Россия не в состоянии следовать в военно-стратегической области тем курсом, которым следовали до начала горбачёвских реформ. Это была *«стратегия сильного»*, когда на американский военный, технологический и стратегический вызов давался адекватный по масштабу и эффективности ответ.

Поэтому должно быть понятно, что, по крайней мере, в течение ближайших 15–20 лет для обеспечения безопасности России во взаимоотношениях с Западом придется следовать *«стратегии слабого»*.

Какой может быть эта стратегия?

Подобно тому, как в мировой художественной литературе фольклористы выделяют 11 базовых сюжетов, можно выделить набор базовых вариантов действий во взаимоотношениях «слабого» с «сильным». Интересно отметить тот факт, что большинство из них было известно еще в древнем Китае под названием *«стратогем»*. В качестве *предмета для обсуждения* можно указать на несколько стратегий, которым, как нам представляется, разумно следовать, реализуя «стратегию слабого» при сдерживании возможных противников в условиях глубоких сокращений ядерного потенциала государства.

Во-первых, это *стратегия достаточной враж-*

дебности. Каждое государство имеет внутренних и внешних врагов. Если меры, направленные на парирование угроз, создаваемых врагами, своевременны и адекватны опасности, а имеющихся ресурсов достаточно, государство может успешно противостоять своим врагам. Но есть одна проблема, которая не может быть решена только разумностью и компетентностью руководителей. Она заключается в том, что президент не всемогущ, он может лишь направить и усилить имеющиеся в обществе тенденции, но если их в обществе нет, то он бессилён.

Тенденция, которая используется для усиления мер по обеспечению стратегического сдерживания вероятных противников, может существовать только тогда, когда общество осознает существующую и надвигающуюся опасность. Причем общество должно осознать эту опасность своевременно, поскольку многие процессы обеспечения безопасности требуют значительного времени. Другими словами, обеспечить защиту страны невозможно в отсутствие *оборонного сознания*.

Оборонное сознание само по себе не приходит, его невозможно сформировать в обществе без *«образа врага»* и четкого, откровенного формулирования внешних угроз.

Вводимые в настоящее время в общественное сознание образы врага в виде «международного терроризма» и «русского фашизма» представляются с этой точки зрения непродуктивными. «Русский фашизм» это выдумка слабосвязанных с Россией либералов, не имеющий никаких перспектив в России. Что касается «терроризма», то он представляет собой одну из технологий вооруженной борьбы, фактически задействуемую известными политическими силами на территории России при скрытой и даже нескрываемой поддержке ряда зарубежных стран, в том числе и западных. Понятно, что технология сама по себе не может выступать в образе врага.

Вместе с тем у России есть *реальные геополитические соперники*, которые уже нанесли невосполнимый ущерб ее экономическим и военным интересам и активно *способствующие террористической деятельности на ее территории*.

Для того, чтобы в новых исторических условиях сформировалось оборонное сознание, важно *не поддерживать на государственном уровне кампаний*, направленных на сокрытие истинного положения дел и перспектив России, *по либеральной дезорганизации общественного сознания*. Напротив, надо поддерживать те общественные инициативы, научные проекты, различные организации, связанные с выявлением, объективным исследованием, ранжированием и анализом угроз.

В качестве *другой стратегии* действий, дополняющей описанную выше, необходимо указать на *стратегию отложенной угрозы*. Ее суть сводится к тому, чтобы дезориентировать противника, затруднить для него оценку угроз, опасностей, рисков, ущербов, с которыми могут быть связаны его возможные силовые действия.

В современной России царит определенная неразбериха в определении направлений ее военно-технической политики. До сих пор нет общепризнанного понимания ни образа будущих войн, ни ответов на реальные угрозы, затрагивающие государственные интересы России. В этой ситуации сама указанная неопределенность может быть использована как *инструмент рефлексивного управления* – затруднить вероятным противникам проведение военно-технического планирования, выиграть необходимое для восстановления страны время.

В основу указанных мер рефлексивного управления могут быть положены следующие *неопределенности*.

Во-первых, это *«неопределенность будущих изменений»*. Ее смысл состоит в следующем.

И в обществе, и в армии растет понимание ошибочности «курса реформ», проводившихся в стране в целом и в армии в частности в последние 20 лет. Возникает понимание необходимости перемен, направленных на возрождение страны, укрепление ее вооруженных сил. Ситуация во многом напоминает ту, которая имела место в XIX веке после поражения России в Крымской войне. Тогда великий русский дипломат и государственный деятель А. М. Горчаков сформулировал основу стратегии страны на несколько десятилетий: «Россия сосредотачивается». По мнению многих военных историков, его дальновидная политика позволила оттянуть Первую мировую войну более чем на 30 лет, дав возможность России провести военную реформу.

Было бы целесообразно сейчас вернуться к этой стратегии. Серьезность намерений должен подтверждать государственный публичный анализ того, как, каким образом, для чего и кем была разоружена Россия, как создавался кризис в ее вооруженных силах.

В частности, должны быть проанализированы рекомендации экспертов, которые привели к неверной оценке угроз и ошибочным решениям, действия лиц, принимавших эти решения. Естественно гласно проанализировать на государственном уровне причины и ход развала армии и выявить основных причастных к этому лиц. Это на длительный срок создаст у возможного противника представление о неизбежности будущих перемен.

Другой неопределенностью может быть *«нестабильность в организационных структурах, которые бу-*

дут задействованы в ходе вооруженных конфликтов».

Ее смысл состоит в следующем.

Многовековой опыт войн, недавний опыт прошлой войны показывает высокую эффективность уничтожения руководящего центра. В отсутствие такового боеспособные части теряют управление, возникает хаос, соединения, как правило, легко уничтожаются. Но если мы не можем играть по правилам, по которым играют равные противники, то очевидно *следует показать, что в случае серьёзных угроз мы готовы играть по другим правилам*.

Поэтому представляется разумным предусмотреть создание структур, способных эффективно вести боевые действия в отсутствие централизованного управления или предательства ряда военных руководителей, как это было в последней иракской войне.

Иными словами, может оказаться целесообразным создание в России сети жизнеспособных боевых единиц, которые в течение длительного времени могут быть способны решать боевые задачи и наносить урон противнику, сравнимый с тем, который они наносили бы при наличии централизованного руководства.

Для сокращаемых СЯС в этом направлении представляется актуальной реализация стратегии, заключающаяся в создании сети автономных высокоживучих боевых единиц с приданием им возможностей *самостоятельного принятия решения на нанесение ответного ядерного удара в условиях уничтожения высших звеньев боевого управления* в результате эффективно проведенного противником «обезглавливающего удара». При этом обязательно должны предусматриваться не просто ценностный тип указанного ответного удара данными средствами, а *удар по «болевым точкам»* – хранилищам отработанного ядерного топлива, ядерным электростанциям, плотинам и т.д. Если указанные боевые единицы будут объективно живучи, то можно полагать, что у противника сильно снизятся стимулы к планированию нанесения первого (в том числе и неядерного) удара по верхним звеньям управления ВС России.

Если традиционная структура вооруженных сил иерархична и уничтожение любого уровня, а тем более верхнего, фатально, то существует ряд других структур, гораздо более эффективных в позиции слабого.

Это, прежде всего, сетевые структуры, которые активно используют спецслужбы и террористические организации. Эти структуры, не имея жёсткого руководства, могут действовать, имея общие представления о «своих» и точные о «чужих», о своем образе действий, использовать тактику роевания (swarming), изматывая сильного про-

тивника, нанося ему неожиданные удары в наиболее уязвимых местах.

Естественно, чем больше уровень дезинтеграции систем, тем по более жестким правилам должны иметь возможность действовать подсистемы и отдельные элементы. В идеале противник должен осознать, что *уничтожение центров управления в ходе конфликта, в том числе и в неядерный его период, будет представлять для него большую опасность, чем их сохранение.*

В условиях глубоких сокращений ядерного потенциала можно пойти и дальше по этому пути – предоставить военной подсистеме большую автономность в выборе методов и средств решения задач на различных уровнях противостояния. При этом, как показывает история, во многих случаях системе в целом гораздо удобнее и эффективнее иметь политически активную и достаточно самостоятельную военную структуру «ястребов», которая уравновешивается более умеренным политическим руководством «голубями». Неопределенность в принимаемых решениях, связанная с тем, чья позиция возьмет верх, может также оказаться важным сдерживающим фактором.

Следующая неопределенность может быть сформулирована как *«неопределенность в выборе возможных средств».*

Террористический акт 11 сентября 2001 года, катастрофа «Колумбии», отключение от электроснабжения более 3 миллионов американцев и др. значительно усилили ощущение уязвимости своей страны у большинства американского населения. Поэтому взаимосвязь *возможных военных конфликтов* с «рисками нового поколения», которые плохо прогнозируются и от которых нельзя создать надежную защиту, следует всячески *подчеркивать и усиливать.* Естественно отрабатывать и доводить до сведения общественности стран вероятных противников возможные сценарии боевых действий, увязывающие воедино создание катастрофических нестабильностей в техногенной, экономической, информационной, социальной сферах с недальновидными неосторожными действиями их собственного руководства.

Значительные усилия нужно было бы сейчас вложить (они не требуют существенных экономических затрат) в ликвидацию «синдрома безнаказанности», который формируется в общественном сознании США, как результат действий по развертыванию ПРО. Целесообразно обосновать и широко распространить информацию о невозможности надежной защиты территории страны в современных условиях.

Груды созданного у противника самого современного и экзотического оружия могут оказаться бесполез-

ными. Этот факт может быть доведен и до лиц, принимающих решения, и до населения стран, которые будут противостоять России в будущих конфликтах.

Это может быть сделано силами ученых, политиков, популяризаторов науки, трезвомыслящей интеллигенции. Получившие в свое время резонанс (кстати достаточно сомнительные с научной точки зрения) исследования, связанные с так называемой «ядерной зимой» – климатическими последствиями широкомасштабного обмена ядерными ударами – показывает, что это достаточно легко можно сделать. На первом этапе важно было бы показать наличие серьезных возможностей нанесения катастрофического ущерба даже от ограниченного применения ядерного оружия. Естественно это отчасти уменьшило бы в сознании руководства и в массовом сознании превосходство сильного противника.

Сама возможность вывода конфликта на уровень наиболее жесткого варианта войны на уничтожение значительной части населения для сверхдержавы, декларирующей ответственность за поддержание порядка и стабильности, уже может стать в определенной мере сдерживающим фактором.

Следующей стратегией «слабой стороны» может быть стратагема, определяемая в древнем Китае, как *«Выманить тигра на равнину».* Ее смысл состоит в следующем.

Особенность войн нового поколения (Югославия, Афганистан, Ирак) заключается в том, чтобы дискредитировать руководство страны-противника внутри и вовне, снизить волю к сопротивлению, нанести ряд ударов с воздуха, в условиях полного господства подкупить или запугать власть или оппозицию и далее установить марионеточный режим.

Первый этап каждой из этих войн состоял в информационном управлении конфликтом - анализе «с позиций справедливости», «общечеловеческих ценностей», «гуманизма» режима и действий противника.

Поэтому естественно для обеспечения внешней безопасности выбить этот козырь из рук наших «контрпартнёров». Один из главных способов – уменьшение у противостоящей стороны так называемого индекса оптимизма, ожидания благоприятного исхода, успеха «маленькой победоносной войны».

Естественно, ряд шагов в этом направлении можно предпринять загодя. Один из первых – переход с чужого языка, метафор, образов, символов на свой и трактовки уже прошедших событий в рамках своей системы аксиом.

Второй этап – анализ и доведение до массового сознания неприемлемости действий и моральной не-

правоты противника (например, единственные в мировой истории события, не имеющие морального оправдания, – ядерные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, варварская бомбардировка Дрездена, создавшая огненный шторм, ложь относительно оружия массового уничтожения у Ирака с целью установить в конечном счёте контроль над ближневосточной нефтью и т.д.).

Третий этап – поднятие индекса оптимизма у своего населения и армии и воспитание патриотизма, фор-

мирование собственной идеологии в той жизненно важной части, которая касается сознания и защиты государственных интересов.

Каждый из этих шагов не требует значительных материальных средств, однако требует времени и систематических усилий политического и военного руководства, в частности совершенствования системы информационного противоборства.

Материал поступил в редакцию 28. 11. 2011 г.